Е. Р. Корниенко

ПОЛИДИСКУРСИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей полидискурсивной языковой личности в рамках лингвоперсонологии. Выдвигается ряд оснований выбора ретроспективной языковой личности как объекта исследования. Делается обзор от хрестоматийных до новейших теорий языковой личности. Предлагается модель языковой личности, релевантная для исследований в рамках дискурсивного направления. На когнитивном уровне модели разграничиваются теоретические понятия «картина мира» и «модель мира». На вербальном уровне выделяются следующие параметры: лексикон, грамматикон, стилевой фон, коммуникативно-жанровый репертуар. Доказывается, что фактором для формирования того или иного дискурса в речевой истории полидискурсивной языковой личности могут являться различные уровни модели.

Ключевые слова: дискурс, полидискурсивность, полидискурсивная языковая личность, модель языковой личности, лингвоперсонология, коммуникативная маска, рефлексивная метаноминация.

E. Kornienko

POLYDISCURSIVE LINGUISTIC PERSONALITY AS AN OBJECT OF RESEARCH

The article focuses on a study of specific aspects of the polydiscursive linguistic personality within of the sphere of linguistic personology. The object of this research is the retrospective linguistic personality. The article reviews a range of classical and modern linguistic personality theories. The author proposes a model of the linguistic personality relevant to the sphere of discursive research. The theoretical concepts of "world view" and "the model of the world" are distinguished on the cognitive level. The author emphasises the following categories on the verbal level: lexicon, grammaticon, stylistic background, and communicative genre repertoire. The research substantiates the idea that various levels of the model may act as factors determining the type of discourse in the verbal history of the polydiscursive linguistic personality.

Keywords: discourse, polydiscursivity, polydiscursive linguistic personality, the model of the linguistic personality, linguistic personology, communicative mask, reflexive metanomination.

В настоящее время в рамках языкознания сформировалась особая область — лингвоперсонология, обладающая как наука своим объектом (модельные, коллективные и реальные языковые личности) и методами сбора и анализа материала [12].

Понятие «языковая личность» уже давно оказалось притягательным и для зарубежных ученых [7], и для отечественных филологов [8]. Как справедливо отмечает Т. В. Кочеткова, идея *homo loquens* с позиции диахронии не нова для лингвистической науки, а развивается от осмысления «человека говорящего» до «лингвистического инстинкта», «языковой способности», «языковой компетентности» и т. д. в работах В. фон Гумбольдта, В. Вундта, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, Э. М. Эленбека, А. М. Шахнаровича, Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова [18]. Ученые выделяют три пути движения науки к языковой личности в сфере филологии: лингводидактика, литературоведение и психолингвистика [18]. В настоящее время языковая личность рас-

сматривается в качестве лингвистического концепта, а наиболее продуктивным анализом данного объекта является прагматический и социолингвистический, а также исследования в рамках коммуникативной стилистики. В работах по лингвистике уже создана целая галерея языковых личностей. Это языковые личности, представляющие отдельную социальную группу (по профессиональному, возрастному или иному признаку): политик, телеведущий, подросток, новый русский, русский интеллигент, госслужащий, юрист, музыкант, преподаватель, религиозный деятель, носитель старого просторечия, носитель диалекта и др. (Е. Н. Азеначеева, И. В. Бугаева, Е. Н. Гуц, Е. В. Иванцова, Г. Р. Искандарова, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Т. В. Кочеткова, О. Е. Морозова, М. Н. Панова и др.). Также типы языковой личности могут, охватывая различные социальные группы, быть аспектными, например: национальная, семиологическая, словарная, публичная, реальная / модельная, стандартная / нестандартная, виртуальная, лингвокультурная, коммуникативная, элитарная, информационно-медийная (А. В. Болотнов, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, В. И. Шаховский, А. Г. Баранов, В. И. Карасик, Т. В. Кочеткова, Т. Ф. Волкова, Ю. Д. Бабаева, И. С. Шевченко, В. П. Нерознак, В. А. Маслова и др.).

В рамках лингвоперсонологии даются описания конкретных языковых личностей — известных писателей, ученых, политиков, журналистов. Выбор для описания современной языковой личности в большинстве случаев определяется ее известностью и популярностью. Также фактором может стать возможность контактных методов исследования, то есть возможность интервьюирования, анкетирования языковой личности, непосредственное наблюдение за языковой личностью и/или включение ее в эксперимент. Сведения об изучаемой личности (биография, мировоззрение, отношения с окружающими и др.) накапливают, как правило, методом длительного «включенного» наблюдения.

Выбор для исследования реальной языковой личности из исторической ретроспективы определяется ее масштабностью, значимостью [12, с. 28]. Ретроспективные языковые личности исследуются путем анализа корпуса текстов, как правило, включающих произведения разных жанров — дневники, письма, художественные и научные труды. Ученые видят проблему в том, что данные, полученные при анализе только письменного дискурса, оказываются недостаточными для моделирования языковой личности, так как требуется реконструирование внеязыкового элемента, но в то же время признают, что анализ языковой личности на основе произведенных ею письменных текстов является закономерным и соответствует принципам лингвоперсонологии [12]. При этом релевантной является методика лингвориторической реконструкции, которая сочетает анализ текстов, в том числе самохарактеристик в письмах, интервью и др., и обобщение исследовательских работ, свидетельств коллег и т. п. [10]. Первичная реконструкция перекликается с биографическим методом.

Объектом настоящего исследования является дискурсивная деятельность Н. И. Новикова как языковой личности. Основания выбора ретроспективной языковой личности Н. И. Новикова для филологического исследования заключаются в следующем:

1) многогранное письменное наследие Н. И. Новикова изучалось в философском и педагогическом аспектах, в плане редакторского дела и истории журналистики, но не подвергалось обстоятельному филологическому анализу; при этом историки литературы и журналистики, например А. И. Кондратьев, признают, что «по идейности и серьезности сатиры, которая ставила и разрешала вопросы под общественным углом зрения, — новиковские

журналы выгодно выделялись из остальной массы тогдашних журналов» [17, с. 293–294];

2) литературное и «издательское» наследие Н. И. Новикова очень многопланово: сатирические журналы «Живописец», «Кошелек» и др., критико-библиографический журнал «Санктпетербургские ученые ведомости», просветительский журнал нравственно-педагогической и религиозной тематики «Утренний свет», светский журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета», непериодические издания (повести, поэмы, переводы с французского, реестр книг и др.), ряд ученых изданий и др.;

3) свои статьи Н. И. Новиков сознательно не подписывал (об этом оставил свои письменные комментарии), но вопрос атрибуции многих произведений, опубликованных в журналах, в которых Н. И. Новиков был издателем и редактором, решены в его пользу (см. исследования А. Незеленова, А. Н. Афанасьева, В. П. Семенникова);

4) Н. И. Новиков в издательском деле сплотил вокруг себя многих литераторов того времени [17, с. 299], следовательно, объектом филологического анализа становится коллективное литературное творчество, дающее материал для создания коллективного речевого портрета, репрезентантом которого является фигура издателя и редактора Н. И. Новикова;

5) авторитетность языковой личности является одним из факторов выбора для ее исследования; ученые предполагают, что именно Н. И. Новиков как просветитель приблизил книгу к «представителям третьего сословия», то есть расширил читательское сообщество [27];

6) в лице Н. И. Новикова можно описать языковую личность, обладающую специфическими, малоисследованными чертами: социально-профессиональная синкретичность (ученый, писатель, общественный деятель, издатель, редактор) и групповая репрезентативность (лицо совместного литературного творчества).

Задачами нашего исследования являются: 1) репрезентация модели языковой личности, релевантной для исследования в рамках дискурсивного направления; 2) обоснование введения в научный оборот термина «полидискурсивная языковая личность», необходимого для дискурсивных исследований; 3) доказательство принадлежности Н. И. Новикова к полидискурсивной ЯЛ на основе анализа взаимодействия речевой доминанты с менее очевидными и экстралингвистически обусловленными дискурсами. Для создания целостной модели языковой личности избранной персоны необходимо определиться с методами исследования и вариантом модели языковой личности.

Хрестоматийным становится подход к изучению языковой личности как некой многоуровневой модели. Базовую модель языковой личности предложил Ю. Н. Караулов [15, с. 56]. Отметим, что вербально-грамматический уровень исследователем признается нулевым. По мнению Ю. Н. Караулова, вербально-грамматическая сеть принимается личностью как данность и, несмотря на возможное словотворчество, паттерны на этом уровне не могут измениться. Следовательно, языковая личность «начинается… с первого, лингво-когнитивного (тезаурусного) уровня, потому что, только начиная с этого уровня, оказывается возможным выбор, личностное предпочтение… одного понятия другому, допустимо придание статуса более важной в субъективной иерархии ценностей, в личном тезаурусе не той идее, которая статистически наиболее часто претендует на данное место в стандартно-усредненном тезаурусе соответствующего социально-речевого коллектива» [15, с. 53–54].

Изучение лингво-когнитивного (тезаурусного) уровня предполагает обращение к методам и инструментам когнитологии

и концептологии. Знаниевые структуры (имагены, логогены, прототипы, схемы, пропозиции, сценарии и др.) составляют сознание личности, в том числе языковой личности. Данные знаниевые структуры напрямую влияют на текстовую, речевую деятельность. Речь является посредником, с помощью которого изучается сознание человека, поэтому именно лингвокогнитология получила бурное развитие в XX–XXI веках. Центральным объектом исследования лингвокогнитологов и лингвокультурологов является концепт как структура знания и способ хранения культурной информации. Именно концепты, по мысли Ю. Н. Караулова, формируют тезаурусный уровень языковой личности.

Кратко представим основные классификации (типологии) концептов, предлагаемые в рамках различных филологических исследований, актуальные для настоящего исследования: 1) универсальные, этнические, групповые, индивидуальные [30]; 2) конкретные и абстрактные [4]; 3) понятие, схема, образ, фрейм, сценарий, гештальт [1]; 4) активно транслируемые, пассивно транслируемые; модифицируемые, немодифицируемые; переводимые, непереводимые в иные формы [14]; 5) одноуровневые, многоуровневые, сегментные [29]; 6) лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические, синтаксические. Особенно важной для нашей работы является типология концептов по их способности играть дискурсообразующую роль, по принадлежности к тому или иному типу дискурса [21, 19].

Менее ясен по структуре и наиболее индивидуален, по мнению Ю. Н. Караулова, мотивационный уровень, включающий в качестве единиц деятельностно-коммуникативные потребности, в качестве связей / отношений — коммуникативную сеть, в качестве стереотипов — образы прецедентных текстов культуры.

Сегодня, на наш взгляд, в научном сообществе, развивающем идеи Ю. Н. Караулова, обозначились две оппозиции: 1) взгляд на языковую личность как на абстрактную модель — взгляд на языковую личность как на конкретный индивидуум; 2) использование термина «языковая личность» как достаточного филологического инструмента — детализация и развитие терминологической системы рядоположенными терминами «коммуникативная личность», «речевая личность» и др.

Один из подходов к языковой личности характеризуется прямым соотнесением данного понятия с реальным носителем языка: языковая личность — это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [3, с. 3]. Обратим внимание, что при соотнесении языковой личности и реального человека И. Г. Богин все же акцентирует внимание на потенциале готовности. Исследователь С. Г. Воркачев также в качестве одной из трактовок объясняет языковую личность как некую способность носителя языка к речевой деятельности [9]; другой ученый указывает, что языковая личность проявляется в вербальном поведении, обусловленном как лингвистической, так и экстралингвистической спецификой [25].

Другой подход предполагает взгляд на языковую личность как на абстрактную модель. В этом случае говорят, что потенциальная языковая личность многопланова, и это определяется двумя основными факторами. С одной стороны, «языковая личность — это парадигма речевых личностей», «речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [28, с. 453]. При этом речевая личность рассматривается как «набор элементов языковой личности, реализация которых связана со всеми экстралингвистическими и лингвистическими характе-

ристиками данной ситуации общения: ее коммуникативными целями и задачами, ее темой, нормой и узусом, ее экстракультурными, социальными параметрами» [28]. В этом случае языковая личность понимается как усредненный абстрактный конструкт, а речевая личность коррелирует с какой-либо реальной личностью, ее речевым поведением. С другой стороны, в заданных условиях актуализируется коммуникативный потенциал реальной личности в различных аспектах. Если мы рассматриваем разное речевое поведение одного носителя языка, то можно говорить о речевой коммуникативной маске, выбор которой диктуется экстралингвистическими факторами и которая формируется отчасти сознательно, отчасти неосознанно. Подобная маска обусловлена сферой, ситуацией и коммуникативной ролью языковой личности, о возможности исчисления и типизации которых писал Ю. Н. Караулов [15, с. 54].

Соглашаясь с В. В. Красных в том, что человек в реальной коммуникации выступает как совокупность языковой, речевой и коммуникативной личностей [20], предлагаем в рамках настоящей работы термин «языковая личность (ЯЛ)» считать наиболее общим, понимая язык как единство системы, потенциала и его реализации.

Анализ языковой личности на современном этапе развития науки включает весомый экстралингвистический компонент. Так, в модель ЯЛ включаются следующие параметры: биологический (пол и возраст), психический (эмоциональное состояние в момент речи и предшествующих ситуациях), социальный (национальность, место рождения, социальный статус, профессия), индивидуально-личностный (вокабуляр, ключевые слова, идеологемы, отношение к окружающему по принципу «свой — чужой», набор риторических инструментов, фразеологические особенности) [25]. Отметим в перечисленных параметрах неравноположенность элементов. Например, «отношение к окружающему» сложно соотнести с рядом «фразеологизмов», «ключевых слов» и т. д.

На наш взгляд, в модели ЯЛ необходимо выделить экстралингвистические параметры (биологический, психологический, социальный), когнитивные параметры (картина мира, концептуальная система), вербальные параметры (лексикон, грамматикон, стилевой фон), мотивно-эмотивные параметры (интенции, коммуникативные установки, реализованные в речи посредством выбранных жанров, стратегий и тактик) и встроить их в следующую иерархию: 1 уровень — «биологическое»; 2 уровень — «социальное»; 3 уровень — «когнитивное», «эмотивное», «мотивное»; 4 уровень — «вербальное». Дискурсивный аспект в описании ЯЛ обеспечивает целостный, комплексный анализ модели. Важно указать на связь вербального компонента дискурса с экстралингвистическими составляющими, среди которых основной является социальная ситуация.

Анализ вербального компонента (речевой истории — высказываний, текстов) ЯЛ должен быть многоаспектным. М. А. Канчер предлагает учитывать стилистический, коммуникативно-прагматический и лингвориторический аспекты [13, с. 314]. В предлагаемой нами модели вербальный компонент состоит из лексикона, грамматикона, стилевого фона, коммуникативно-жанрового репертуара; необходимо учесть, что при описании вербального компонента ЯЛ единицы его частей следует рассматривать в аспекте дискурсной связности. Например, такой вербальный компонент, как «стилевой фон», включает стилевые приемы, конвергенции, тональности текстов, идиостиль; вербальный компонент «коммуникативно-жанровый репертуар» наполнен речевыми стратегиями, тактиками, приемами и ходами, в том числе риторическими стратегиями, аргументацией и др. — тем, чем пользуется

языковая личность для реализации интенций и решения коммуникативных задач.

В речевой деятельности человека как ЯЛ (4-й уровень модели, компонент «вербальное») воплощается языковая картина мира в ее общесоциальном и индивидуальном вариантах (3-й уровень модели, компонент «когнитивное»).

Вопрос о соотношении терминов «картина мира» и «языковая картина мира» (ЯКМ) решается с опорой на представление о ментальной сфере человека [22, 23]. Обзоры научной интерпретации термина «языковая картина мира» демонстрируют развитие трактовок от «картины фактов» (Л. Витгенштейн) до «языкового преобразования мира» (Л. Вайсгербер), от «победы души над чуждыми силами» (О. Шпенглер) до «покорения мира» (М. Хайдеггер). Однако не все принимают термин «картина мира», предлагая заменить его менее отражательным «модель мира», например, в работах Ю. М. Лотмана, В. В. Тарасовой, С. Ю. Лавровой, Н. А. Афанасьевой, Л. О. Бутаковой и др. Учитывая многообразные точки зрения и подходы к решению вопроса о соотнесении таких феноменов, как картина мира, языковая картина мира, концептуальная картина мира и т. д., изложим свое видение проблемы.

Картина мира имеет две составляющие: образ мира и модель мира. Именно наличие двух связанных компонентов объясняет споры в трактовках понятия «картина мира». Первая из названных составляющих представляет собой интуитивное, хаотическое образование — мозаику различных гештальтов, образов, например: «Образ мира как достояние индивида симультанен, голографичен и многолик, он является продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта <…> и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию» [11, с. 243]. Модель мира есть результат когнитивной переработки образа. Это «определенным образом организованные знания о мире, свойственные когнитивной системе или его модели» [2, с. 4]. Языковое сознание есть призма, через которую преломляются представления о мире, некий образ мира, созданный посредством языка, включающий знания о реальном мире [31].

Языковая картина мира как результат и итог когнитивной цепочки становится доступным объектом научного описания, в котором лингвистические исследования по праву занимают ведущие позиции. Когда лингвисты предлагают свои выводы о национальной / индивидуальной, научной / художественной / наивной картине мира, речь идет о языковой картине, которая выявляется именно через анализ языковых единиц в контексте речевой деятельности индивидов. Языковая картина мира — это есть отражение коллективным языковым сознанием мира объективного [28].

В отличие от социоцентристского, лингвоантропоцентристский подход к исследованиям языковой картины мира ориентирован на говорящего субъекта, на индивидуума. Поэтому языковая картина мира моделируется на базе словаря не случайной совокупности текстов, а текстов, являющихся результатом речевой деятельности отдельной языковой (речевой) личности. Признается, что в совокупности текстов, созданных одним автором, отражается концептуальная система (КС), которая определяется концептуальной картиной мира и задачами субъекта речи. «Основными репрезентантами КС являются концептуальный профиль, а также актуальные смыслы индивидуально-авторской частотной лексики. <…> Это не абсолютная, а относительная категория, выявляемая на базе индивидуального концептуального профиля и интерпретируемая в сопоставлении с концептуальными системами других авторов» [24, с. 16]. В настоящей работе мы остаемся в рамках данного подхода и приближаемся к психологической трактовке, согласно кото-

рой «ЯКМ — это, скорее, определенное речевое состояние ЯЛ» [6, с. 31].

Языковая личность описывается в результате изучения ее текстов / высказываний / речевых актов, то есть дискурса. Типология ЯЛ тесно связана с дискурсивными практиками, например, ЯЛ юриста, эпистолярная ЯЛ, виртуальная ЯЛ и др. Очевидно, что «речевая история» одной ЯЛ может совмещать различные дискурсы. Их выбор, речевые связи, доминанты репрезентации и др. составляют индивидуальные характеристики конкретной языковой личности.

Анализ текстов, приписываемых русскому просветителю Н. И. Новикову, дает право утверждать, что языковая личность Н. И. Новикова полидискурсивна. Основания для выделения того или иного типа дискурса, включенного в «речевую историю» ЯЛ, могут соотноситься с разными уровнями ЯЛ (см. описание модели выше). Так, апелляция к уровню «социальное» предполагает выделение журналистского (публицистического) дискурса в текстах Н. И. Новикова. В то же время анализ 3-го и 4-го уровней («когнитивное», «эмотивное», «мотивное» и «вербальное») в их взаимосвязи позволяет выделить менее очевидные и менее экстралингвистически обусловленные дискурсы. Так, результаты нашего исследования позволяют рассматривать языковую личность Н. И. Новикова, например, как субъекта религиозного дискурса. Религиозный дискурс, апеллируя к соответствующим ценностям, ориентирует адресата на достижение идеала. В текстах Н. И. Новикова активно используются перифразы для описания такого идеала (*бессмертные истины, небесное блаженство, вышнее духовное царство*), который достигается через *мечту* и *готовность*, например: *нравоучение, <…> очищая сердце, готовит оное к добродетели и сими путями ведет человека к земному и, надежнее еще, к небесному блаженству* [26, с. 199]; *человек… имеет всегда главною мечтою совершенство свое, то есть совершенство духа, состоящее в познании бессмертных истин, которыми восхищается и возносится до вышнего царства духовного* [26, с. 208].

Именно «эта особенность функциональной стороны дискурса религиозной культуры определяет значения теологического параметра религиозного дискурса» [16, с. 35]. Следующим признаком религиозного дискурса является то, что с точки зрения речевых актов он «насыщен высказываниями перформативного характера: использование сакральных имен, высказываний, текстов означает актуализацию мистического трансцендентного опыта», «догматический аспект религиозного дискурса проявляется в широком использовании “консервативных” языковых стратегий» [16, с. 39]. Выборки из текстов Н. И. Новикова дают репрезентативный материал, соответствующий этому признаку, например: *привыкли думать о праотце своем Адаме; первый человек, как говорит о нем Моисей; мудрый Соломон в воздвигнутом великолепном храме* [26, с. 210–211]. Мы находим в текстах Н. И. Новикова библейские слова и высказывания (*аз же есмь, яко грешник есмь, начертах словеса сия, воистину, аминь*), единицы старославянского языка (*аще и не вем тя, кто еси; ежеседмищные, абие уразумех, яко, печешися очмстити, ведяще, рещи, возмниши написати*), фразеологизмы с религиозной этимологией в устаревшей грамматической форме (*на ладан дышет*).

В то же время язык религии не допускает использование простонародной лексики, однако у Н. И. Новикова мы находим много слов такой окраски (*окаянный, супостат, головушка, с ума сойти, авось, тошно, худо, накудесил, пропала твоя головушка*), разговорные междометия религиозной этимологии (*слава богу, прости господи*). Автор-просветитель использует маску носителя народного языка, просто-

речия. Смешения религиозного дискурса с просторечием в рамках одного текста, на наш взгляд, имеет прагматические функции — максимальное воздействие на читателя-адресата. Религиозный дискурс, по воле автора, популяризируется, поскольку «апелляция к эмоциям и воздействие на эмоциональную сферу, что также многими исследователями отмечается в качестве особенности религиозного дискурса, обусловливают более сильный, по сравнению с иными типами “институционализированных” дискурсов, эффект вовлечения адресата в дискурсное поле» [16, с. 33].

Поиск звена, скрепляющего различные дискурсы одного субъекта, — основная задача исследователя, описывающего полидискурсивную ЯЛ. Анализ дискурсов Н. И. Новикова позволяет рассматривать рефлексивные метаноминации статусной семантики в качестве такого скрепляющего элемента. Под рефлексивной метаноминацией мы понимаем «называние», обозначение себя как участника коммуникации в рамках того или иного дискурса. Как мы уже указывали, Н. И. Новиков не подписывал свои тексты. Он использовал в статусно-ориентированном общении читателя и издателя журнала для обозначения себя различные перифрастические номинации, имеющие различную прагматическую основу. С одной стороны, это этикетная номинация: *покорный ваш слуга М. М.*, коррелирующая с обращением *государь мой*. В то же время сема «службы» получает коннотацию «служения» при вводе вымышленных антропонимов с прозрачной внутренней формой (*покорный ваш слуга Правдулюбов*) или указания на возраст (*осьмидесятилетний старик*). Создается образ мудреца, готового со смирением нести правду своему адресату, потратившего жизнь на поиски истины. С другой стороны, активно используются «профессиональные номинации», в том числе метонимического типа, ср.: *сочинитель Живописца* и *недостойный Живописец*. В первом случае рефлексивная метаноминация подчеркивает светскую природу субъекта, род его профессиональных занятий. Вторая номинация метонимического типа объединяет субъекта и продукт речи — журнал «Живописец». Эпитет *недостойный* имеет этикетный клишированный характер (типично для диалогов с императрицей Екатериной Великой, в публичной переписке с которой состоял Н. И. Новиков), но в то же время актуализирует мотив смирения как служения своему делу — поиску правды. Эти единицы демонстрируют соблюдение жанровых канонов письма. Клишируя свою речь в текстах, Н. И. Новиков как бы надевает маску представителя определенной институциональной группы. Следовательно, религиозный дискурс не является в речевой практике просветителя дискурсной доминантой, а используется для достижения лингвопрагматических целей.

Таким образом, дискурсивные практики одной языковой личности могут быть весьма многоплановыми; так, лингвистами полидискурсивность называется в ряду особенностей языковой личности особого типа — информационно-медийной [5].

Подводя общий итог, выделим две основные причины, детерминирующие полидискурсивность языковой личности: 1) модель ЯЛ включает биологический и социальный компоненты, каждый из которых определяет развитие ЯЛ, предполагающее изменения вербальной сферы, которая реализуется в дискурсах; 2) современная социальная сфера мозаична, требует от человека разнообразных вербально-коммуникативных навыков, которые удовлетворяют запросы и требования различных дискурсов и субдискурсов. Языковая личность способна иметь разный статус, выступать в разных ролях, такая личность получает название синкретичной [5]. Монодискурсивная ЯЛ неизбежно столкнется с барьерами социализации.

Суммируя сказанное, отметим, что любая языковая личность потенциально полидискурсивна, следовательно, полидискурсивность является константным признаком модели языковой личности; вместе с тем дискурсивный подход к анализу модели языковой личности обеспечивает его комплексность и целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф.* Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.
2. *Баярутова Е. П.* Когнитивная структура оценочной ситуации и особенности ее репрезентации в современном английском языке. Улан-Удэ: БГУ, 2005. 107 с.
3. *Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям. Л.: Атланта, 1984. 98 с.
4. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика (Курс лекций по англ. филологии): учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Зарубежная филология». Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. 123 с.
5. *Болотнов А. В.* Идиостиль информационно-медийной личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Томск, 2016. 39 с.
6. *Буров А. А.* Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 2003. 361 с.
7. *Вайсгербер Й. Л.* Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с. (История лингвофилософской мысли).
8. *Виноградов В. В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
9. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
10. *Дружинина В. В., Ворожбитова А. А.* Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А. Ф. Лосев). Сочи: РИО СГУТиКД, 2005. 152 с.
11. *Залевская А. А.* И это все — о нем // Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избр. работы. Воронеж, 2008. 451 с.
12. *Иванцова Е. В.* Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 3 (4). С. 27–43.
13. *Канчер М. А.* О трех аспектах описания языковых личностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 312–319.
14. *Карасик В. И.* Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. М.: Азбуковник, 2003. 368 с.
15. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. 261 с.
16. *Кожемякин Е. А.* Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 2 (97). Вып. 15. С. 32–47.
17. *Кондратьев А. И.* Новиковские издания. М.: Госиздат, 1927. С. 289–357.
18. *Кочеткова Т. В.* Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 53 с.
19. *Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
20. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 280 с.
21. *Крючкова Н. В.* Концепт — Референция — Коммуникация. Саратов: Изд-во «ИП Баженов», 2009. 391 с.
22. *Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В.* Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.
23. *Маслова В. А.* Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
24. *Мухин М. Ю.* Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. 43 с.

25. *Мухортов Д. С.* Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2014. С. 167–172.

26. Н. И. Новиков и его современники: избранные сочинения. М.: АН СССР, 1961. 336 с.

27. *Накорякова К. М.* Очерки по истории редактирования в России XVI–XIX веков: опыт и проблемы. М.: ВК, 2004. 227 с.

28. *Прохоров Ю. Е.* Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ: Братислава. Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999. С. 450–464.

29. *Стернин И. А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 58–65.

30. *Токарев Г. В.* Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»): учеб пособие. Тула: Изд-во ТГПУ, 2000. 92 с.

31. *Уфимцева Н. В.* Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 92–100.

REFERENCES

1. *Alefirenko N. F.* Problemyi verbalizatsii kontsepta: teoreticheskoe issledovanie. Volgograd: Peremena, 2003. 96 s.

2. *Bayarutova E. P.* Kognitivnaya struktura otsenochnoy situatsii i osobennosti ee reprezentatsii v sovremennom angliyskom yazyike. Ulan-Ude: BGU, 2005. 107 s.

3. *Bogin G. I.* Model yazyikovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam. L.: Atlanta, 1984. 98 s.

4. *Boldyirev N. N.* Kognitivnaya semantika (Kurs lektsiy po angl. filologii): ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayuschihsya po spetsialnosti «Zarubezhnaya filologiya». Tambov: Izd-vo TGU, 2000. 123 s.

5. *Bolotnov A. V.* Idiostil informatsionno-mediynoy lichnosti: kommunikativno-kognitivnyie aspektyi issledovaniya: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Tomsk, 2016. 39 s.

6. *Burov A. A.* Kogniolingvisticheskie variatsii na temu russkoy yazyikovoy kartinyi mira. Pyatigorsk: Izd-vo Pyatigor. gos. lingv. un-ta, 2003. 361 s.

7. *Vaysgerber Y. L.* Rodnoy yazyik i formirovanie duha. M.: Editorial URSS, 2004. 232 s. (Istoriya lingvofilosofskoy myisli).

8. *Vinogradov V. V.* Izbrannyie trudyi. O yazyike hudozhestvennoy prozyi. M.: Nauka, 1980. 360 s.

9. *Vorkachev S. G.* Lingvokulturologiya, yazyikovaya lichnost, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmyi v yazyikoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.

10. *Druzhinina V. V., Vorozhbitova A. A.* Lingvoritoricheskie parametryi idiostilya kak vyirazhenie mentaliteta yazyikovoy lichnosti uchenogo (A. F. Losev). Sochi: RIO SGUTiKD, 2005. 152 s.

11. *Zalevskaya A. A.* I eto vse — o nem // Teoreticheskie i prikladnyie problemyi yazyikoznaniya: izbr. rabotyi. Voronezh, 2008. 451 s.

12. *Ivantsova E. V.* Problemyi formirovaniya metodologicheskih osnov lingvopersonologii // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2008. № 3 (4). S. 27–43.

13. *Kancher M. A.* O treh aspektah opisaniya yazyikovyih lichnostey // Kulturno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii. Ekaterinburg, 2000. S. 312–319.

14. *Karasik V. I.* Rechevoe povedenie i tipyi yazyikovyih lichnostey // Massovaya kultura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs: sb. nauch. tr. / pod red. Yu. A. Sorokina, M. R. Zheltuhinoy. M.: Azbukovnik, 2003. 368 s.

15. *Karaulov Yu. N.* Russkiy yazyik i yazyikovaya lichnost. M.: Editorial URSS, 2003. 261 s.

16. *Kozhemyakin E. A.* Religioznyiy diskurs: metodologiya issledovaniya // Nauchnyie vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2010. № 2 (97). Vyip. 15. S. 32–47.

17. *Kondratev A. I.* Novikovskie izdaniya. M.: Gosizdat, 1927. S. 289–357.

18. *Kochetkova T. V.* Yazyikovaya lichnost nositelya elitarnoy rechevoy kulturyi: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Saratov, 1999. 53 s.

19. *Krasavskiy N. A.* Emotsionalnyie kontseptyi v nemetskoy i russkoy lingvokulturah. Volgograd: Peremena, 2001. 495 s.

20. *Krasnyih V. V.* Etnopsiholingvistika i lingvokulturologiya. M.: Gnozis, 2002. 280 s.

21. *Kryuchkova N. V.* Kontsept — Referentsiya — Kommunikatsiya. Saratov: Izd-vo «IP Bazhenov», 2009. 391 s.

22. *Kubryakova E. S., Shahnarovich A. M., Saharnyiy L. V.* Chelovecheskiy faktor v yazyike. Yazyik i porozhdenie rechi. M.: Nauka, 1991. 240 s.

23. *Maslova V. A.* Homo lingualis v kulture. M.: Gnozis, 2007. 320 s.

24. *Muhin M. Yu.* Leksicheskaya statistika i idiostil avtora: korpusnoe ideograficheskoe issledovanie (na materiale proizvedeniy M. Bulgakova, V. Nabokova, A. Platonova i M. Sholohova): avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2011. 43 s.

25. *Muhortov D. S.* Ob obschem i chastnom v ponyatiyah «yazyikovaya lichnost», «rechevoy portret», «idiostil» i «idiolekt» (na primere verbalnogo povedeniya sovremennyih politicheskih deyateley) // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivyi razvitiya nauchnogo napravleniya: materialyi mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg, 2014. S. 167–172.

26. N. I. Novikov i ego sovremenniki: izbrannyie sochineniya. M.: AN SSSR, 1961. 336 s.

27. *Nakoryakova K. M.* Ocherki po istorii redaktirovaniya v Rossii XVI–XIX vekov: opyit i problemyi. M.: VK, 2004. 227 s.

28. *Prohorov Yu. E.* Kommunikativnoe prostranstvo yazyikovoy lichnosti v natsionalno-kulturnom aspekte // Materialyi IX Kongressa MAPRYaL: Bratislava. Dokladyi i soobscheniya rossiyskih uchenyih. M., 1999. S. 450–464.

29. *Sternin I. A.* Metodika issledovaniya strukturyi kontsepta // Metodologicheskie problemyi kognitivnoy lingvistiki / pod red. I. A. Sternina. Voronezh: Voronezhskiy gos. un-t, 2001. S. 58–65.

30. *Tokarev G. V.* Problemyi lingvokulturologicheskogo opisaniya kontsepta (na primere kontsepta «trudovaya deyatelnost»): ucheb posobie. Tula: Izd-vo TGPU, 2000. 92 s.

31. *Ufimtseva N. V.* Etnopsiholingvistika: vchera i segodnya // Voprosyi psiholingvistiki. 2006. № 4. S. 92–100.